

УДК 159.9
ББК 88
П 86

А.Л. ЖУРАВЛЕВ,

член-корреспондент РАН,
директор Института психологии РАН,
доктор психологических наук, профессор

А.В. ЮРЕВИЧ

член-корреспондент РАН,
заместитель директора Института психологии РАН,
доктор психологических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ

A.L. ZHURAVLEV, A.V. YUREVICH

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF CORRUPTION

Авторы рассматривают социально-психологические и социокультурные составляющие коррупции. Выделяются основные направления психологического изучения коррупции. Рассматриваются возможности психологической науки и практики в противодействии коррупции, такие как изменение толерантного отношения к ней в нашем обществе, психологический мониторинг антикоррупционных законопроектов, тестирование кандидатов на «взяткоемкие» должности с помощью специальных психологических методик и др.

Ключевые слова: коррупционное поведение, психологическая наука и практика, массовое сознание, формальные и неформальные отношения, психологические меры противодействия коррупции.

The authors scrutinize socio-psychological and socio-cultural components of corruption. The basic directions of psychological investigations of corruption are singled out. The authors arrive at conclusion that juridical measures of its overcoming should be supplemented with non-judicial worked out with active participation of psychologists.

Key words: corruptional behavior, psychological science and practice, mass consciousness, formal and informal relations, psychological measures of withstanding corruption.

Социопсихологические исследования коррупции

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных [1], соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем еще в 2000 г. она находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Объем коррупционных сделок увеличился в

нашей стране с 40 млрд. долл. в 2001 г. до 300 млрд. долл. в 2006 г. [2]. Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х гг. возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долл., а средний масштаб «откатов» в начале 2000-х гг. составлял 5-10 % от суммы заказа, в середине 2000-х – 30 %, в конце же 2000-х – до 70 % [3].

При этом в современной России не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и

расширяется ее «объект». Продаются не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и многое другое. Отечественная рыночная экономика – самая «рыночная» в мире, в том печальном смысле, что у нас можно купить то, что в других странах не купишь. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», – отмечает С. П. Глинкина [2, с. 236]. Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе [4, с. 4], где заседает подозрительно много сверхбогатых людей, а также данные о том, что коррупционные доходы депутатов в 15-20 раз превышают их официальные заработки [5]. Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» [2] и т. п., причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае – журналистов. И закономерно, что все чаще звучат такие утверждения, как «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» [6, с. 460], «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» [2, с. 444], «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является, самым массовым» [5] и др.

Исследователи проблемы подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое¹, системно организованное социальное явление, интегрирующее в себя экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие [2]. Присутствует в нем и психологическая составляющая (имея самостоятельное значение, она органически включена и в перечисленные – социальную, управленческую, этическую и др.), что создает для психологической науки необходимость включения в его междисциплинарное изучение, а для психологической практики – в его искоренение.

Психология только начинает присоединяться к обществу научных дисциплин, изучающих коррупцию.

¹ Одна из основных классификаций ее форм основана на различении бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман описывает такие, как «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция [7]. Различают также «низовую» и «верхушечную» коррупцию и т. п.

Справедливо отмечается, что «В современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» [8, с. 188]. А «научные исследования коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их односторонность. Она выражается в том, что в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т. д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишённые потребности и чувств. Поэтому и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» [9].

Тем не менее, *психология коррупции* как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования уже формируется, при этом прорисовываются и ее основные составляющие: 1) психология коррупционеров, 2) психология коррумпированных, т. е. дающих взятки и т. п., 3) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию, 4) изучение отношения в обществе к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам.

В психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как стремления общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. [8]. Психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления, при этом они, как правило, полагают, что *расплата за их коррупционную деятельность не наступит никогда* [там же]². Для них характерны такие виды психологической защиты, как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Это убеждение позволяет коррупционерам отрицать свою коррупционную деятельность как *преступление* («все так делают, кто-то больше, а кто-то

² Аналогичный эффект выявлен в зарубежных исследованиях коррупции и назван Й. Ламмерсом «моральной близостью» [10].

меньше»), преподнося ее как своего рода «экспроприацию экспроприаторов».

В описанных исследованиях выявилась также взаимосвязь коррупции и агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупции является скрытая агрессия [там же], а, стало быть, высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества [11], вносит большой вклад и в распространенность коррупции. При этом коррупция, хотя и является, в глазах многих, *не агрессивным* преступлением, однако *лежит в основе* многих агрессивных преступлений. Далеко не единичная система отношений, сложившихся в станице Кущевской, события на Манежной площади, проникновение террористок на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многое другое имеют в своей основе именно коррупцию.

Любопытные результаты дало социально-психологическое изучение *мотивов коррупционного поведения*, которое высветило два ведущих мотива: достаточно очевидный, состоящий в стремлении к материальным благам, и менее тривиальный, заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре [9]. По мнению Ю. М. Антоняна, «Игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняет как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» [9].

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции (вообще в данном случае дисциплинарная граница очень условна), проводимые фондом ИНДЕМ. В частности, фиксируются такие характеристики современной российской коррупции, как открытость и цинизм [5]. Они согласуются с приведенными выше данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся расплаты за свои действия и считают их вполне оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты, отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» взяточничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. Отметим в данной связи, что, согласно данным зарубежных исследований, наибольших успехов в коррупционных махинациях добивают-

ся высокоинтеллектуальные и творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач [10], а некоторые коррупционные схемы поражают сложностью и совершенством.

Социально-психологические факторы коррупции

Аналитики подчеркивают три важных свойства отношения российского населения к коррупции, непосредственно связанные с нашей массовой психологией.

Первое свойство – *толерантность* к коррупции, отношение к ней как к повсеместному («воруют-с», «все берут» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю. Ю. Болдырев, «сама идея нормальности «минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» [6, с. 457]. А в отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции – «относительное спокойствие и равнодушие» [5].

Второе важное свойство нашего массового сознания в отношении коррупции состоит в том, что выраженное осуждение в нем получают не сами по себе акты коррупции, а лишь *запредельные размеры взяток*, в особенности, если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, характерен недавний случай, когда рядовой следователь требовала (следователь – дама) с предпринимателя взятку в 3 миллиона долл. (если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, все обошлось бы).

Третье регулярно акцентируемое качество нашего отношения к коррупции – *непоследовательность и противоречивость*. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и мое окружение – другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства («не подмажешь – не поедешь» и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает негативной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Очень симптоматично и восприятие нами своего поведения в соответствии с формулой: «да, взятки берем, но решаем по совести». Отвечая на вопрос о том, кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционных сделок, более трети респондентов называют чиновника, а, оценивая свой собственный опыт таких сделок, чиновника ука-

зывают двое меньше – лишь 17 % респондентов [5]. Подобная «асимметрия восприятия» органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии [12; и др.].

Важная социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции, состоит в *приоритете неформальных социальных отношений над формальными*, «не уставных» над «уставными»: «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры» [13]. В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах, и многие другие³. «Взятка – пишет В. Радаев – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» [14, с. 162]. Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее материальных форм, вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченные возможности.

Нашей, как и другим культурам, не изжившим элементы патриархальности, свойственны клановость, семейственность, кумовщина, телефонное право, «теневые» способы решения проблем, всевозможные «серые кардиналы», «банановый»⁴ механизм приближения к власти и т. п. Они создают психологическую среду, в которую коррупция вписывается очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственник круг» [15]. Отсюда проистекают такие

3 Следует подчеркнуть, что в «словаре коррупция (от лат. *corruptio* – портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам» [8, с. 191]. А в международных документах, определяющих коррупцию, взятки в денежной форме тоже не упоминаются.

4 Появление этого термина связано с тем, в т. н. «банановых» республиках вся родня их президентов, как правило, тоже состоит во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался у общего тренера и т. д.

очень характерные для нашего общества явления, как, например, то, что жены наших высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. Сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют свои прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. В частности, «Родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. (Не менее удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти)» [16]. Справедливо отмечается, что «Не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» [4, с. 4] – в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах. Наш бытовой лексикон изобилует такими выражениями, как «искать выход на» (далее указывается имя большого начальника), а для нашей поведенческой практики очень характерно то, что, попав в какую-либо неприятную ситуацию, например, в ДТП в качестве их виновников, наши сограждане тут же начинают звонить не в ГАИ и не в службу Скорой помощи – чтобы она была оказана пострадавшим, а своим друзьям и знакомым – дабы их «отмазали». Систематически прибегают к неформальным способам воздействия, таким как подкуп и угрозы, некоторые этнические диаспоры и социальные группы. В общем, как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от него зависящего, готового взаимодействовать с государством только через «черный ход» беззакония» [17, с. 19].

Привычка добиваться чего-либо «через черный ход» – по знакомству», по блату и т. п. – органически внедрена в наш менталитет и, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной не на товары народного потребления, а на другие цели. Исследование, проведенное в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, продемонстрировало: на вопрос «Что необходимо, чтобы стать богатым в России?», 63,6 % выбрали ответ «иметь нужные связи» [13]. Нередко проявляются и парадоксы. Другой опрос показал, что проблему борьбы с коррупцией 86 % населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при

этом 40 % выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике [18], очевидно, не видя связи одного с другим. А, по данным фонда ИНДЕМ, необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся, а активную антикоррупционную установку имеют лишь 13 % предпринимателей и 15 % граждан [5].

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие нашу высокую склонность к коррупции: 1) коррупция – это пережиток советской экономики дефицита, 2) психология взятки укоренена в традиционных для патриархальных культур отношениях одаривания, 3) взятка представляет собой рациональный инструмент нашей специфической рыночной экономики [15]. А самым простым подтверждением их конъюнкции служит то, что вздвигательство было характерно для отечественной культуры всегда, но нынешний уровень коррупции для нее беспрецедентен.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «не уставных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *организованный характер*: «Коррупционер-одиночка» в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции» [2, с. 443].

В этих «сетях» отчетливо выражены горизонтальное и вертикальное «измерения». Горизонтальное проявляется в тех случаях, когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», не делясь ею с другим. Вертикальное – в ситуациях построения коррупционных структур как «коррупционных вертикалей», в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, те – со своим начальством и т. д. Попадая в коррупционные «сети», практически невозможно остаться некоррупцированным. Если же такой человек появляется, от него стремятся избавиться. Коррупционеры «своих не сдают», отчетливо проявляется феномен «круговой поруки» [15]⁵, а что-либо изменить в соответствующих струк-

турах можно только извне и при личном участии высокого начальства. Все это не только придает коррумпированным организациям характер «боевых единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дестрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы и т. д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» [2, с. 443].

Следует отметить и то, что в отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматривается как благодарность. Еще с советских времен у нас принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, в качестве само собой разумеющейся – несмотря на то, что оказывающие такие услуги и так должны это делать. Скажем, считается просто неприличным, придти, например, к врачу и не подарить ему коробку конфет (или горячительный напиток, если врач мужского пола). Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны – просто потому, что «так принято» (вспоминаются слова из песни Б. Окуджавы про черного кота: «каждый сам ему выносит и спасибо говорит»).

Подобные поступки воспринимаются в нашей стране не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают полное непонимание в других культурах. Например, российские эмигранты на Брайтон Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь заплатить им за то, что они выполняют свою работу. А добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой.

Мы считаем нормальным и обыденным то, что в западных странах расценивается как коррупционные *преступления*. Подобное отношение к коррупции имеет в России давние традиции. Так, например, еще в XVIII-XIX вв. воровство и мздоимство в государственных учреждениях получало безусловное одобрение в общественном сознании, что нашло отражение во многих коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» [15].

5 Отмечается и то, что «В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в корруп-

жестве пословиц и поговорок [9]. А сейчас, согласно данным различных опросов, практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то, по крайней мере, время от времени не давал бы взятки в той или иной форме, причем, как показывают социологические исследования, коррупционное предложение, т. е. количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает коррупционный спрос, т. е. количество случаев вымогательства [15].

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в России, особенно в современной, «это больше, чем коррупция», даже при самом широком толковании последней, характерном для международных программ борьбы с нею. Она оценивается, причем даже высокопоставленными отечественными чиновниками, как *наш образ жизни* [19]. Возможно, это – преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «Коррупция в нашей стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» [5].

При этом наша страна вписывается и в общемировые закономерности коррупции, находясь под влиянием соответствующих факторов. Так, например, уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм [20], которые еще не закреплены в законах, и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников. Поэтому, в частности, радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников рассматривается в качестве одного из главных направлений борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также аномия, равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовые цинизм и утрата здравого смысла [21]. Она связана и с различными национальными особенностями общественной жизни, например, с традицией делать подарки [22; 23], с такой характеристикой культур, как коллективизм-индивидуализм [24], с особенностями религиозных конфессий [25] и с другими факторами. В результате «*коррупция трактуется не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры*» [13].

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований социокультурной обусловленности коррупции. Вместе с тем следует под-

черкнуть и опасность ее абсолютизации: если уровень коррупции определяется вековыми особенностями национальной культуры, то попытки его снижения выглядят обреченными на провал. Существуют и опровержения этой позиции, состоящие в том, что, например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились ошутимых успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм в данном плане внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переехавшие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия [10]. Однако, возвращаясь в родные, высоко коррумпированные страны, они снова берутся за старое – начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология человека, которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» [там же].

В целом же социально-психологические факторы коррупции можно – в первом приближении – сгруппировать в систему: 1) коррупционер, 2) коррумпирующей, 3) их социальное окружение. Как отмечает Т. А. Нестик, «коррупция это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон ... эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок – чиновником, предпринимателем и фигурой незримого Другого (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» [13]. Следует подчеркнуть, что традиционная трактовка коррупционных актов обычно игнорирует их *третью сторону*, учитывая лишь коррумпируемого и коррумпирующего, в результате чего за пределами анализа остаются важнейшие механизмы коррупции и соответствующие социально-психологические процессы.

Психологическая наука и практика в борьбе с коррупцией

Естественно, в предлагаемых способах противодействия коррупции в современной России нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. В то же время регулярно отмечается, что их недостаточно – даже при условии не только принятия, но и выполнения соответствующих законов, а *юридические меры должны дополняться неюридическими*, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи.

Прежде всего, постоянно подчеркивается необходимость (и дефицит) *воли* – власти, государства и всего нашего общества – к преодолению коррупции. Как отмечает Ю. Ю. Болдырев, «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного – воли к решению проблемы» [6, с. 456]. Ее дефицит, конечно, можно списать на то, что с коррупцией борются (или делают вид, что борются) в основном чиновники, значительная часть которых сама коррумпирована; коррупция по-своему удобна власти, позволяя держать коррумпированных чиновников «на коротком поводке»; у нас пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать то, к чему они не мотивированы; отечественные чиновники имеют слишком много разрешительных функций; отсутствует полноценный политический плюрализм и т. п. Подобные факторы действительно очень значимы, что во многом придает проблеме коррупции политический характер. В частности, трудно ожидать уменьшения ее масштабов, пока наши псевдолибералы – «антигерои 1990-х», утвердившиеся в околовластных кругах в те годы, до сих пор сохраняющие свои позиции и воспроизводящие себе подобных, не будут изгнаны оттуда раз и навсегда.

В то же время большую роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде, во властных и околовластных структурах, хотя, разумеется, и зависимые от них. Так, совершенно очевидно, что практика борьбы с коррупцией для того, чтобы быть по-настоящему эффективной, должна носить *массовый* характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие слои населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках. Это предполагает изменение описанного выше достаточно толерантного отношения к коррупции – отношения к ней как к неизбежному, неискоренимому и не очень значительному злу.

В исследованиях коррупции показано, что она представляет собой зло *существенное*, разрушающее экономику и общество в целом. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция *искоренима*, о чем свидетельствуют примеры таких стран, как Сингапур, Малайзия и др., которые совсем недавно переживали очень высокий уровень коррупции, но в дальнейшем за достаточно короткие сроки добились ощутимых успехов в ее преодолении⁶.

⁶ Благодаря этому, в частности, Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало впечатляющий приток иностранного капитала, – еще одна убедительная иллюстрация

И то, и другое – разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления – следовало бы сделать основой *образовательных программ*, которые необходимо внедрить в нашу систему образования на ее различных уровнях. Пока же все происходит наоборот. В частности, «Молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, с самого начала сталкиваются с коррупцией, привыкают с ее помощью решать свои проблемы, преодолевать препятствия, начинают считать ее естественной частью социальной среды» [5]. В результате «социальная группа, из которой будут рекрутироваться политические, экономические, военные, культурные и иные элиты, становится разносчиком и мультипликатором коррупции, укореняя ее и умножая ее негативные последствия» [там же]. В скептически настроенном и прагматичном обществе преподнесение проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо *обоснование* ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, *прагматического* смысла борьбы с ней. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши сограждане.

Полезной была бы и *массовая пропагандистская кампания* по борьбе с коррупцией с широким вовлечением СМИ⁷ и других средств воздействия на массовое сознание, которая с учетом отношения наших сограждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи «все делать наоборот» и т. п. должна быть хорошо продуманной психологически. В этом плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и перед нашими многочисленными психологами, преуспевшими в ведении пиар-кампаний, к сожалению, часто ведущихся ими не на благо общества.

Эта кампания должна быть направлена не только на изменение отношения к коррупции как к таковой – выработку отношения к ней как к злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолимому, но и на изменение соответствующих поведенческих практик и лежащих в их основе социальных стереотипов.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией.

влияния коррупции, в данном случае снижения ее уровня, на экономику.

⁷ Повышение роли СМИ в воспитании честности («нечестность должна стать дурным тоном») в качестве одной из основных мер борьбы с коррупцией отмечают и эксперты ИНДЕМ [5].

Первая – *пассивная* – форма состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, «просто не давать взяток», что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает практика, позволить себе «просто не давать взятки» могут либо такие фирмы, как «ИКЕА», либо достаточно известные и влиятельные люди. У простых же смертных это плохо получается и отнюдь не из-за недостатка благих намерений. Вторая – *активная* – форма охватывает жалобы в соответствующие органы на взяточников, а также на живущих явно не по средствам. Причем если первое, хотя и требует незаурядного мужества и обычно делается тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых возможностей), но получает, хотя и не всегда, общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как «донос» и грубое вмешательство в чужие дела. Причины достаточно известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона⁸); и несовершенство, а подчас и явная несуразность, наших законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения⁹; и влияние норм криминального мира; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам, и многое другое. При этом проявляется разительный контраст с западными странами поразителен. Бывавшие там хорошо знают, что, если, например, припарковать автомобиль в неполюженном месте, несколько человек сообщат в полицию, которая незамедлительно приедет, а то, что мы называем «донасами», воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Поощрение соответствующих практик в современной России стало бы не «возвратом в сталинские времена», а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к

8 Показателен случай, когда маньяк в течение часа насиловал и убивал девушку на глазах у многоквартирного дома, ни один из жильцов которого так и не позвонил в органы правопорядка. Яркий образец нашей нынешней «культуры недоносительства», демонстрирующий, что от образцов поведения, нашедших выражение в поступке Павлика Морозова, мы явно перешли к другой крайности.

9 Как свидетельствуют социологические исследования, «То, что одни называют законопослушанием, другие – доносом» [26, с. 77], «Доносительство у нас не приветствуется ... стучать нельзя, потому что закон – «чужой» [там же, с. 77] и т. п.

законам. Соответствующий опыт тоже следовало бы отразить в наших образовательных программах. Стоит уделить внимание и таким нравственным принципам, как, например, Кодекс честного человека, вывешенный в Интернет и состоящий из трех «Не»: не только «Не бери» (имеются в виду, естественно, взятки – А. Ж., А. Ю.) и «Не давай», но и «Не проходи мимо взяточников и им подобных».

Важным фактором является также *упрощение технического режима* сообщений о нарушении закона. К примеру, в Финляндии, считающейся самой некоррупционной страной мира [1], в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в т. ч. электронные, и телефоны служб, в которые следует немедленно о нем сообщать, причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать именные заявления, которых наши сограждане очень боятся, ни терять время в очереди к отвечающим за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. При этом уголовное наказание коррупционерам сопровождается их включением в «черные списки», находясь в которых невозможно устроиться ни на одну хорошую должность, и не только в государственных структурах, в течение всей оставшейся жизни. А многие китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выйдя на свободу, кончают жизнь суицидом, будучи не в силах вынести «потерю лица», крайне существенную в китайской культуре [27]. Налицо разительный контраст с современной российской реальностью, в частности, с тем, что уличенные в коррупции неплохо устраиваются в дальнейшем, в т. ч. и на государственных должностях, и отнюдь не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важным направлением участия психологии в борьбе с коррупцией является *психологический мониторинг* законов антикоррупционной направленности, необходимость которого, что очень откровенно, сейчас признают и юристы. Проблема предварительного мониторинга законопроектов особенно актуальна для нашей страны, очень характерными для которой являются «не работающие», а то и в принципе не исполнимые законы, вырабатывающие недоверие населения к законам вообще, а также ситуация, когда принимаются нелепые и непопулярные законопроекты, которые отменяются или корректируются после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно было бы избежать, если бы законопроекты подвергались *предварительному* мониторингу). При

этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе и в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов – дело юристов, а обилие в нашем главном законодательном органе спортсменов и шоуменов, а также т. н. «массовое обсуждение» законопроектов в Интернете не слишком принципиально изменяет ситуацию. Не учитывается тот очевидный факт, что законы – это *наиболее общие правила социальной жизни*, в разработке которых самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе и психологии. А их разработку следует дополнять предварительным мониторингом, который тоже должен осуществляться представителями различных социальных наук, включая психологию.

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть *специальные психологические методы*, среди которых наиболее часто упоминается полиграф¹⁰. Возможность проверки на нем претендентов на «взяточечки» должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти выхолащивает смысл самой процедуры. Это порождает и другие проблемы. Во-первых, дефицит добровольцев: следует ли отказавшихся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность? Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов¹¹. В-третьих, возможность того, что численность прошедших проверку окажется намного меньшим, чем количество вакансий, и неяс-

¹⁰ Существуют и другие подходы к применению психологических методов в целях преодоления коррупции. Например, казанский психолог Г. Гарифуллин рассматривает ее как болезнь, для лечения которой использует психоанализ, групповую психотерапию, гипноз, кодирование и т. п. [28].

¹¹ Один из признанных авторитетов в этой области П. Экман пишет: «хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, – измеряет интенсивность проявлений возбуждения ВНС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека» [29, с. 173]. Тем не менее, хотя, например, в 18 штатах США применение ДЛ запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год [там же].

ность, что делать в этом случае: принимать ли и не выдержавших ее? Но, несмотря на подобные сложности использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает перспективы преодоления коррупции, которые нуждаются в проработке.

Представленные выше направления, естественно, не исчерпывают потенциальные возможности психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать – вслед за Президентом нашей страны [30] – одной из главных проблем современной России. Особенно в условиях, когда т. н. «рыночники» призывают *все* слои нашего населения активнее вписываться в рыночную экономику, в то время как для некоторых профессиональных групп, таких как чиновники, сотрудники правоохранительных структур и др., наиболее простым способом «вписывания» в нее служит коррупция. В этой ситуации с особой остротой встает проблема *рыночной, но не коррупционной* стимуляции подобных видов деятельности, в создании которой самую активную роль должны сыграть психологи.

Литература

1. Transparency International. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#1
2. Глинкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 427-455.
3. Александров Г. Где конец «откатов» // Аргументы и факты, 2011, N 49 (1622).
4. Цепляев В., Пивоварова О. Власть от купюр // Аргументы и факты, 2011, N 44 (1617).
5. Исследование коррупции. – [Электронный ресурс]: <http://www.anti-corr.ru/awbreport/>
6. Болдырев Ю. Ю. Коррупция как системный порок российского капитализма // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Институт экономических стратегий, 2010. С. 456-474.
7. Grossman G., Trempl V. G. Personal incomes in the USSR // The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems / Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. Gower, 1987. P. 285-296.
8. Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников

- правоохранительных органов / Под ред. Д. В. Со-
чивко и Е. Е. Гавриной. Рязань, 2010.
9. Антонян Ю. А. Типология коррупции и коррупци-
онного поведения/ – [Электронный ресурс]: [http://
antonyan-jm.narod.ru/inter3.html](http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html)
 10. Психологи изучили причины коррупции. – [Элек-
тронный ресурс]: [http://elizaveta-mc.ru/blogs/tag/%
D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D
0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20
%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D
0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8/](http://elizaveta-mc.ru/blogs/tag/%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8/)
 11. Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П. Ко-
личественная оценка макропсихологического
состояния современного российского общества // *Психологический журнал*. 2007. N 4. С. 23-34.
 12. Андреева Г. М. Психология социального позна-
ния. М.: Аспект Пресс, 1997.
 13. Нестик Т. А. Коррупция и культура // *Теневая
экономика в советском и постсоветском обще-
ствах*, 2002, N 4. – [Электронный ресурс]: [http://
corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html](http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html)
 14. Радаев В. Формирование новых российских рын-
ков. М., 1998, с. 161-168.
 15. Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе.
– [Электронный ресурс]:
16. http://www.ceninauku.ru/page_23202.htm
 17. Белай В. Коррупция. – [Электронный ресурс]:
[http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/
blog/373/](http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/blog/373/)
 18. Дубин Б. Эпоха большинства // *Аргументы и фак-
ты*, 2011, N 45 (1618).
 19. Клямкин И., Тимофеев Л. *Теневая Россия. Эконо-
мико-социологическое исследование*. М.: РГГУ,
2000.
 20. Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО!
// *Комсомольская правда*, 2010, 15 января.
 21. Huntington S. *Political order in changing societies*.
New Haven: Yale University Press, 1968.
 22. Klitgaard R. *Adjusting to reality: Beyond “state
versus market” in economic development*. San
Francisco: ICS Press, 1991.
 23. Andvig J. *The economics of corruption: A survey* // *Studi
economici*, 1991, Vol. 46, N 43, pp. 57-94.
 24. Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemac D. J. Cross-
cultural business gift giving. A new conceptualization
and theoretical framework // *International marketing
review*, 1994, Vol. 11, N 4, pp. 46-47.
 25. LaPalombara J. *Structural and institutional aspects
of corruption* // *Social research*, 1994, Vol. LXI, pp.
325-350.
 26. LaPorta R. Lopez-De-Silanes F. Shleifer A., Vishny
R. W. *The quality of government* // *The journal of
law, economics and organization*, 1999, Vol. XV (1),
pp. 251-252.
 27. Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда
монету ценят за герб и ругают за решетку // *Соци-
альная реальность*. 2006. N 1. С. 73-79.
 28. Тудоровский Я. В Китае все по плану // *Аргумент-
ты и факты*, 2011, N 46 (1619).
 29. Бахтиярова А. Взятчиков нужно ... лечить // *Ар-
гументы и факты*, 2011, N 49 (1622).
 30. Эрман П. Психология лжи: обмани меня, если
сможешь. СПб.: Питер, 2010.
 31. Из послания Президента РФ Д. Медведева Феде-
ральному собранию РФ // *Парламентская газета*,
2008, 7 ноября.